

Михаил Рабинович

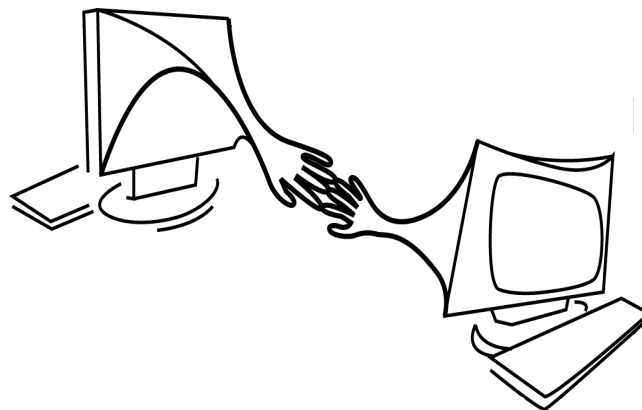
ВЕСЛА

ДЕКОМ
2005

УДК 882
ББК 84 (2Рос-Рус)6
Р 13

Р 13 МИХАИЛ РАБИНОВИЧ. Весла. *Стихи и эссе.*
Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2005. – 184 с.

ISBN 5-89533-100-9

I. ТЕБЕ

ISBN 5-89533-100-9

© М. Рабинович, 2005
© Издательство ДЕКОМ,
составление, оформление, 2005
© Ю. Бутримович, графика, 2005

ВЕЩЕСТВО ПАМЯТИ

Память — совсем не видение,
Она вещества предмет.
Ее ощущаем волнение,
Сквозь заросли прожитых лет.

Микрокосм сохраняет каждый
В своих отпечатках и следах
Целованную однажды
В серой юбчонке и кепке.

Время снимает сомнения,
Империй ломает своды.
И все же перчатку забвению
Память бросает сквозь годы.

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

Волшебный аромат вина,
Хрусталь с гранеными краями.
Бокал уже допит до дна,
А послевкусье еще с нами.

Нами скомкано покрывало.
Не шурши, а то сразу проснусь я.
Удивительно, что не пропало,
Стало ярче любви послевкусье.

УТРО

В плену осознанной свободы
Не греет душу божий лик.
Дрожит фитиль от непогоды,
Несутся мимо люди, годы.
Проснулся — в зеркале старик.

Плеснул в лицо воды холодной,
И мгла рассеялась седая.
Опять я сильный и голодный,
А ты такая молодая...

МЕЛАНХОЛИЯ

Назавтра обещана встреча.
Обманет, наверно, опять.
Звезда пролетела под вечер.
Ничего не успел загадать.

Кто там мне в душу стучится?
Это ангел с подругой вдвоем.
Хочется с ними напиться.
Не получится. Я за рулем.

ПАРАД

Играют джаз в «Мазон-Бурбон»*.
Песнь о любви поет кларнет.
Его признание как стон.
Труба солирует в ответ:

«Пой, пой, кларнет, тебя люблю,
Но очень нежен саксофон,
Ему я то же повторю.
А впереди еще тромбон...»

---

* Джаз-кафе в Нью-Орлеане.

ВСТРЕЧА В КАНАДЕ

Так странно, быть того не может —
В чужой стране и сорок лет спустя,
Чтобы настолько быть похожей
На ту, что помню, на тебя.

Чужие берега не кажутся чужими,
Как будто жизнь я прожил с ними,
Я пристальнее вглядываюсь в лица,
Кто знает, что еще случится.

* * *

Облака — осколки быта —
Закрывают горизонт.
Всё, что было — не забыто,
Что забыто — это зонт.

Суетится дождь, хлопочет,
Он проник под воротник.
Может, выпьем? Ты не хочешь.
Значит... кончился пикник.

* * *

Мы друг друга казнили, винули.
Мы в отцепленный влезли вагон.
Мы друг друга любили, любили...
Но куда подевался перрон?

* * *

Люблю в кредит.
Отдаст — не отдаст...
Разум забыт,
Зашел он на час.

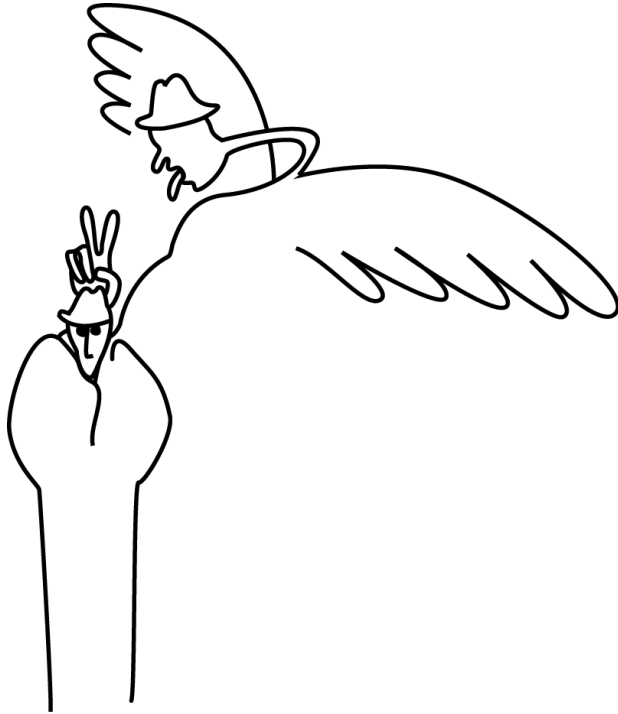
Слышишь, прохожий,
Счастлива я.
Он мне не должен.
Он был у меня!

БЕЗ СИЛ

Укутала меня собой,
Замкнулись нервные поля
И общим стал сердечный бой,
Уходит из-под тел земля.

Очнулись, расцепили руки,
Пытаемся найти очки.
Затихли внутренние звуки,
Земные слышатся толчки.

РАЗМОВКА

Бредем, друг на друга не глядя.
Листья сухие шуршат.
Со мною намаявшись за день,
Моя отдалилась душа.

Время сквозь пальцы струится.
Птицы разносится крик.
Может, душой поделиться
С птицей хотя бы на миг?

Узнает свободу полета,
Тумана хлебнет у реки.
Душевного жду поворота,
Протянутой жажду руки.

* * *

Увидел в окно и сразу влюбился.
Разъехались встречными поездами.
Тот поцелуй, что у нас не случился,
Душу царапнул сухими губами.

МОНЕТА

Ночь напролет
безалаберным маем
Судьбу мы решаем,
не понимаем
Любим, не любим.
Монету бросаем.
Монета в ладони...
Ответ я нашел,
Орел или решка?
Конечно, орел.

ПОБЕГ

Плавают желтые рыбы
В бархате неба черном.
Кружат вокруг Карибы.
Жизнь весела и покорна.

Радость короткой ночи,
Томное дление дня.
Счастлив? Что-то не очень.
Может, простишь ты меня...

ИСПУГ

Письмо нежданное. Пять строк
Промокли в тоненьком конверте,
Но все же разобрать я смог:
Вас я люблю, люблю, поверьте!

И даже кляксы между слов
Мне рассказали очень много,
Что вышли из одних мы снов,
Что в одного мы верим бога.

Уже мы счастливы вдвоем,
Целуемся среди набухших почек.
Вдруг молния в мозгу моем:
А может, я не понял почерк?

ЦЕЛЬ

Не затворив под вечер дверь,
За целью я пошел из дома.
А цель, чертенок или зверь,
Мне только кажется знакомой.

Бегу за нею по кустам.
Кричу, она в ответ ни слова.
Мелькает тут, сверкает там
И надо мной смеется снова.

Пролился дождь сквозь веток сито.
Хочу домой, хочу в постель.
Как хорошо, что дверь открыта, —
Меня в сенях встречает цель.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ГОДЫ

Ты пронзительный слышишь фагот?
Нерешительность наша забудется.
Наступивший получится год,
И любовь обязательно сбудется.

Год фагота сменился трубой:
Бросьте думать, раскройте объятия.
Как и прежде, люблюсь тобой..
Ты, как прежде, в застегнутом платье.

За трубой заступил контрабас,
Закрутила поземка по улицам.
Не случилось чего-то у нас,
У других обязательно сбудется.

ОКЕАН

В момент любви
кидаешься на сушу,
вздымаешься,
кусаешь берег рыжий.
Шторм кончился.
Отдав на миг ей душу,
Ты верным псом ей ноги лижешь.

Она уснула. Ты, холодный,
Уходишь, не сказав ни слова.
Устав от одиночества, голодный,
Теряешь разум и штормуешь снова.

ВСТРЕЧА С АЛЯСКОЙ

Юрию Визбору

След бурунится за кормой.
Утро, палуба, мы вдвоем.
Будь же ласкова ты со мной,
Как Аляска с утра с кораблем.

Кружит головы нам фиорд.
Позабыл уже про дела.
Ты ждала поход целый год,
Чтоб полет увидеть орла.

Зеркалами вода во мху.
На собаках по леднику.
Ты ведь знаешь, глаза не лгут,
Давай руку, тебе помогу.

Вертолет между скал семеня,
Зацепил облака винтом.
Так скажи же, что любишь меня,
Не откладывай на потом.

ПРОЩАНИЕ С АЛЯСКОЙ

Розовеет рассвет, в небе омуты.
Льдины ссорятся меж собой.
Твои губы моими не тронуты,
Кратким было свидание с тобой.

Где взяла ты глаза Нефертити
И веселый мальчишеский взгляд?
Слышу — фьорды, туманов обитель,
Шепчут мне: возвращайся назад.

ВОСХОД В ГОРОДЕ

Стекла окон зеркальные,
Множества солнц лабиринт.
В конце его нереальная
Улыбка твоя горит.

В огромную вставлено раму
Знакомое мне лицо.
Ноет старая рана.
Солнца сжимают кольцо.

Облака украсили небо.
Слепящий исчез лабиринт.
И портрета вроде бы не было,
А улыбка еще манит.

* * *

Н. К.

Паутины невидимой сеть
Согревает нам жизнь на Земле.
Спишь, не спишь, все равно ответь.
Улыбнись по e-mail'у мне.

Дай мне богом земным побыть
На краткий отведенный срок
И о будничном говорить.
Слышишь мой телефонный звонок?..

* * *

Люблю чудесные мгновения.
Пусть даже кратко, на скаку.
Еще люблю, когда волнение
Переливается в строку.

ИЗМЕНА

Рвутся медленно струны общения.
Речь суетна, слова не слышны.
Изменяются отношения,
Усложняясь до тишины.

Страсть — газетная самокрутка —
Еще тлеет и в легких дым.
Ну скажи, что все это — шутка,
И сначала всё повторим.

ТИШИНА

Рвутся медленно струны общения.
Речь суетна, слова не слышны.
Изменяются отношения,
Усложняясь до тишины.

Дух одинокий дичает,
Не разбирает порог.
Ружье на стене вдруг стреляет.
Тишина нажимает курок.

ЭЛЕГИЯ

Мне далекое не мерещится,
Просто видится, да и всё.
Вечер в Кадницах. Волга плещется.
Старый клен головою трясет.

А сейчас я бегу вдоль берега.
Набежало мне шестьдесят.
Сан-Диего, моя Америка,
Океанские волны в ряд.

Со своею сливаюсь я тенью,
Обжигает подошвы песок,
И вдруг предо мною виденье —
Раскрасневшись, ты лепишь снежок.

ОПОЗДАЛ?

Вижу теней любовь я в окне.
Свечу ты нарочно забыла.
Опоздал, и меня не простила.
Прилипла рубашка к спине.

Поверить не мог, не хотел.
А демон смеется незло —
Поверь, что тебе повезло,
И празднуй, что ты не у дел.

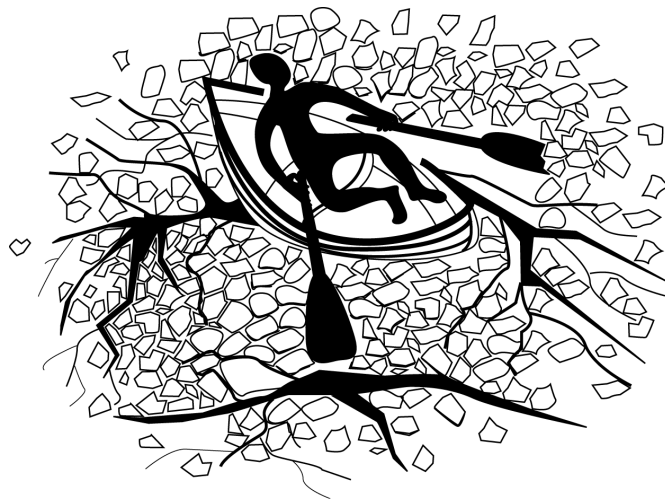
* * *

Вдруг прервались звуки танго —
На меня не поглядел он.
У меня нежнее ангел,
У него сильнее демон.

Ты теперь с другою девой.
Не забыть мне это танго.
Я люблю тебя, мой Демон...
Ты теперь свободен, Ангел.

МУЗЕ

В роду колдуньи были у тебя.
Напоминают мне об этом
Твои глаза — они глядят
Сквозь время, и поэту
Нельзя ни притвориться, ни смолчать.
Оставь мои в покое чувства.
На прошлом ворожбы лежит печать,
Но я восточным овладел искусством.

II. ВЕСЛА

* * *

Не хватает воздуха
Или не хватает духа
Собратся с силами и сделать вздох —
Язык к гортани от боли присох.
Клин клином вышибаю
И, вызвав новую боль,
Я себя побеждаю.

ПРЕВРАЩЕНИЯ

Сперва сложившись, как омега,
И сжавшись сильно по бокам,
Волна обрушилась с разбега,
Поднявшись паром к облакам.

Подумав, обернулась гладью
И стала с бликами играть,
Чтобы в потрепанной тетради
Меня заставить написать:

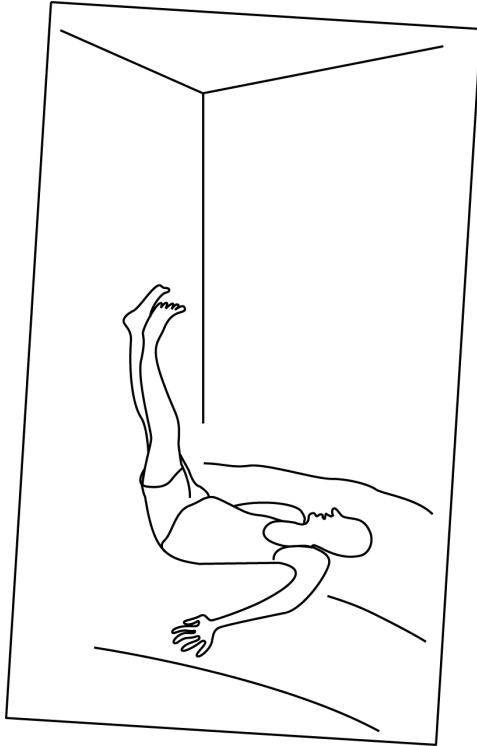
Живем мы превращений ради,
Хотим из брызг волною стать.

* * *

Не суждено уже узнать
Истоки прошлого,
Гримасы мироздания.
Мы, обращая время вспять,
Находим мудрость вместо знания.

ВДОХНОВЕНИЕ

Взял и прыгнул в никуда,
Потеряв в пространстве вес.
Пролетаю города
С восхищением и без
Страха в облаках парю
Вместе с пылкой мечтой
И взошедшую зарю
Обнимаю. Молодой
Музе хочется ко мне —
Видно, чувствует огонь.
В это время на земле
Перегрыз уздечку конь.

В СТАРОМ ДОМЕ

Разводы неясные потолка,
Вы меня увлекаете в прошлое:
Замерла подо льдами река,
И причалы стоят запорошенные.

Залезаю на стол и руками
Лед крошу и ломаю, пока
Не увижу: течет вверх ногами
Над моей головою река.

Тает снег, на душе полегчало.
И минуты не надо считать.
Потолок – это только начало,
Надо стены еще прочитывать.

* * *

Времени колесница...
Где вы, февраль и апрель?
Кружится жизнь, мне снится
В жару облаков акварель.

Давно я зимы не видел.
Ты головой поник,
Мир тебя не обидел,
Жизни моей снеговик?

Мечутся колесницы,
Мелькают спицы-века.
Долго мне будут сниться
Апрельские облака.

ОЗАРЕНИЕ

Поэт — любовник провиденья.
Не раз заложена душа.
Ты весь дрожишь от возбужденья
И достигаешь, чуть дыша,
Предел, порог, вершину, край
Вселенной, погруженной в атом.
Вот он — билет из ада в рай,
Но с обязательным возвратом.

ВЛАСТИТЕЛЬ ДУМ

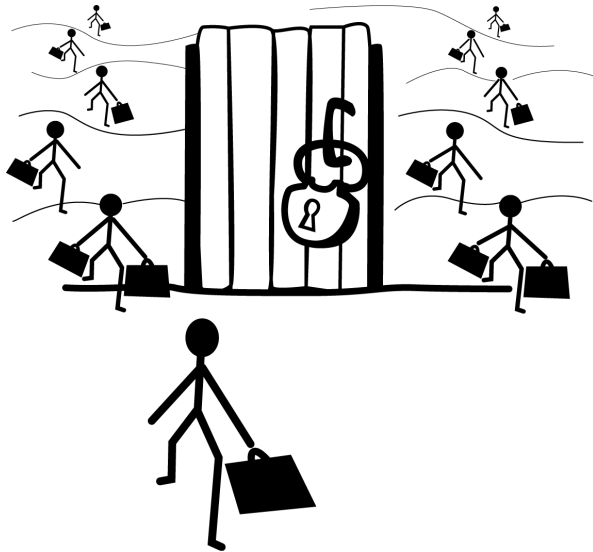
Осведомлен и беспокоен
И критикует всех и вся.
Он может, видимо, такое,
Что и представить-то нельзя.

Иные думали: он гений,
Коль с Пушкиным равняет взор.
Мы долго ждали откровений
И тут открылось — он жонглер.

ВОПРОС

Лодка путается в волнах.
В морду бьет непослушный ветер.
Всё не так, как в прекрасных снах.
Сил, похоже, не хватит на вечер.

Никогда я их не считал.
Жаль, что лопнет струна на взлете.
Стал послушным вдруг ветер и спал.
Пьем вино.
Вы себе нальете?

ТАМОЖЕННИЦА

Прилетели в Нижний.
Рюкзак через плечо.
Она мне по-английски,
А я в ответ ей: Чё?

«Чего мне свет тут застишь,
Я занята с людьми».
И дверку сразу настезь —
Иди ее, пойми.

ДИАЛОГ ДОН ЖУАНА С ИММАНУИЛОМ КАНТОМ

К.

Ничто не ново под луной,
Играют те же драмы люди.
Подруга первый раз со мной,
Второго, думаю, не будет.

Д. Ж.

И эта роль уже стара.
Под скрип сценического круга,
Что новым кажется с утра?
Конечно, новая подруга.

К.

Брось, больше формула важна:
Ее еще никто не видел.

Д. Ж.

Ужель волнует кровь она
Сильней, чем нежная обитель?

К.

Давай вскрывать не будем вены.
Наверное, мы оба правы.
Всему виною наши гены
(Не быт, не знания, не нравы).

ВНЕ СНА

Буйство портретов —
Бессонницы пытка.
Скрепила планеты
Суровая нитка
И давят на грудь
Мою бусы планет,
Пытаясь замкнуть
Строки прожитых лет.

Хочу я укрыться,
Закутаться в сон.
Но я на границе,
Где Демон и звон
Набежавшего дня
Друг друга стирают,
Стирая меня...

От зависти белой
Вдруг сжавшись упруго,
Сбросил я Демона
С яркого круга.
Кому ж позавидовал
В лишкой беде,
Кому же?..
Будущему себе.

АССОЦИАТИВНОЕ МЫШЛЕНИЕ

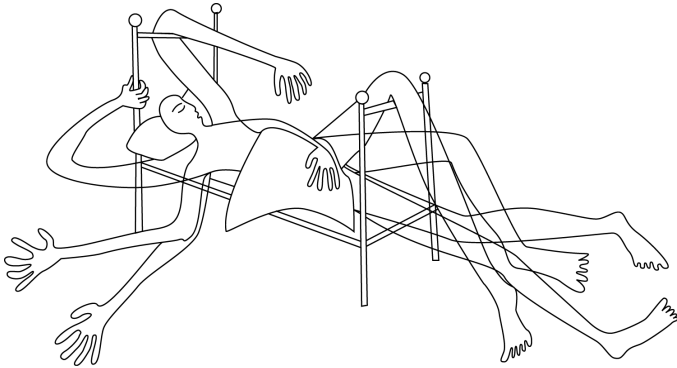
Ассоциаций мир волшебный
Реальностью своих предметов
Легко ломает строй душевный
Не только чувственных поэтов.

Мир формул, логики и знаков
Не лед, а пламень, он неодинаков.
Доводит до галлюцинаций
Безумною борьбой ассоциаций.

* * *

Мешать в постели мысль и чувства,
Лица дивиться перемене.
Труднее в жизни нет искусства,
Чем мысли отключать на время.

ОБНОВЛЕНИЕ

Сна с ярким днем соревнованье.
Погони, бесконечность ночи.
Испуг, восторг и пониманье,
Что даже вечный сон непрочен.

Кричишь и сам себя не слышишь.
Волной накрыло темноты.
Но жив, хотя неровно дышишь.
Проснулся... и уже не ты.

ОН

Теней контрасты, строфы деревьев —
Он пишет стихами на склонах горы.
Пытаюсь ответить. Ломаются перья.
Ты что же, считаешь меня вне игры?
Писать продолжают молний зигзаги.
В грохоте грома — мелодии след.
Вода размывает ритмов овраги...
Я задал вопрос. Ты дашь мне ответ?

За окнами ветер.

Здесь всё не случайно.

Метнулся навстречу,

раскрыл ему дверь.

В проеме — пророк.

Говорит мне: «Он тайна.

Ему не пиши,

а пророкам — не верь».

ДЖОРДАНО БРУНО

Вот боль,
    а вот истина,
Вот жизнь,
    а вот прах.
Вот две бесконечности —
                    гордость и страх.
.....
Мгновения вечности
                    тают в кострах.

ТЕЛО

Знаешь, тело, когда нездорово,
Тебе не хватает душевного слова.
Давай заболтаем телесные боли.
У болей ведь нету ни целей, ни воли.
Слушало тело и больно молчало.
Моя болтовня, видно, не помогала.

СУДЬБА

Промчавшись по бордовому столу,
Забился в лузе рыжий шар,
Но вырвался. Расслабился, вздохнул...
И тут еще удар.

Подпрыгнул. Вылетев в окно,
Он вспыхнул на бильярде снова...
На нем — зеленое сукно,
А бьют — как на бордовом.

* * *

Противоречье учений.
Знаний колодец бездонный.
Пересечение течений.
Мечешься, как бездомный,

Застрявший на перекрестке
Узких скачущих улиц,
Удивляешься мыслей горстке,
Как блюду печеных устриц.

Шумные стаи пернатых
Тебя поднимают в небо.
Мир стал цветным и понятным.
Прежде таким он не был.

ПОВЕЗЛО

Любви неожиданной сладкий плен.
Лес в январе, заснеженные сени.
Вставать не приходилось мне с колен.
По счастью, я не падал на колени.

* * *

Не сотворю себе кумира.
Жизнь — это театр без кулис.
Баланс себя с безумным миром
И с Богом трудный компромисс.

ИЗ ОТПУСКА

Закончен бал, погасли свечи,
 Мерцает в памяти кино,
 Вот первый день, последний вечер.
 Да с нами было ли оно?

Существованье отпускное,
 Когда от дел уйдя в отрыв,
 Мы в измерение иное
 Ныряем, годы позабыв.

.....

Назад, в реальное пространство.
 Допив заморское вино,
 Мы обретаем постоянство,
 Снимая новое кино.

НЕПРАВДА

Придуманы все рифмы,
 Разобраны слова
 И строк хозяйки-нимфы,
 Прикрытые едва,
 Нам говорят, что скоро
 Закончатся стихи.
 Не будет больше споров,
 И истины штрихи
 Укроются в химерах
 От боли и тоски.
 Таланта станет мерой —
 Бессмыслица строки.

Он инкогнито к нам из Эдема.
Но укрыться от взглядов не смог.
Взял он пива в пивной «У Голема»,
Той, что рядом с кольцом синагог.

Я с пражанкой сравнялся годами
В старом городе мастеров.
Только Прага гордится жидами
В этом лучшем из лучших миров.

НЕАПОЛЬ

Сшивают чудно жизнь каналы,
Гондолы, лодки, катера
Уносят грусть и памяти провалы
Иголкой штопают с утра.

Ритмический порядок доков,
Жаровни запах со двора.
Я много пропустил уроков,
Прислушаться пришла пора.

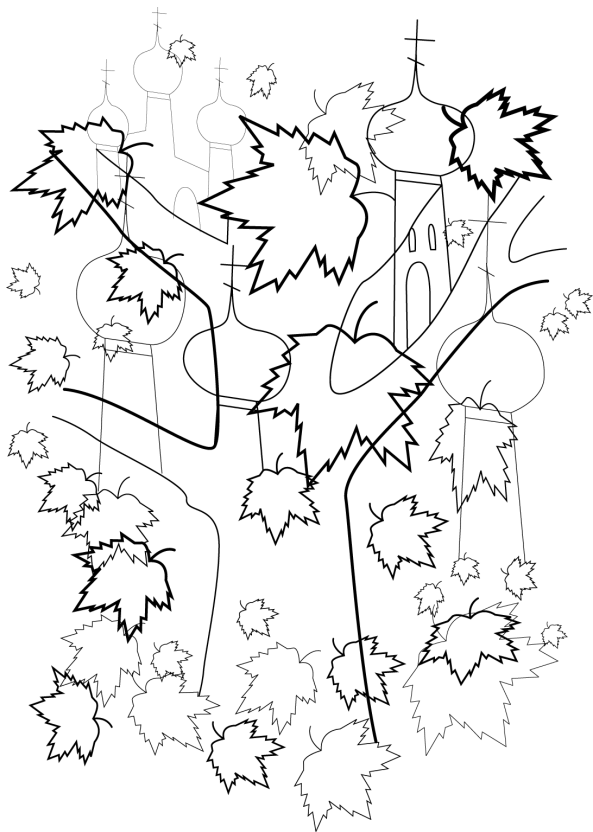
Закат одушевляет звуки.
Одышка мучает весло.
Ко мне луна
Протягивает руки,
Чтоб от Земли ее не унесло.

* * *

Работаю до поздней ночи.
Вдруг чувствую дыхание стишка.
Не до него — раздрай. А впрочем,
Я записал его исподтишка.

* * *

С утра не ладилась работа.
По комнате слонялась лень,
А я следил за ней, как тень.
Взглянул на календарь - суббота...
Бывает так не каждый день.

СУЗДАЛЬ

Солнечные блики,
Сплетение времен.
Божественные лики
И звон, звон, звон...

РИО

Небоскребов цветные крыши.
 Белая кромка залива.
 Я с горы кричу — ты не слышишь...
 Нереально реальное Рио.

В фавелу, вверх и на запад.
 Мозаичная красота.
 А ближе — сшибает с ног запах.
 Трехмерная теснота.

Неписанные законы.
 Лозунг — секс лучше войны.
 Здесь будущие мадонны
 Любознательны и стройны.

Дождь по пляжу в Копакабана.
 Зонт? Швейцар проявляет заботу.
 Мозаика скрыта туманом.
 Очень хочется на работу.

ГОСТЬ

Для души чистый воздух — отравя.
 Нет в нем примеси мыслей и слов,
 Нет в нем образов, только оправы
 Не приснившихся ночью нам снов.

Где в нем запахи боли сердечной,
 Где в нем краски восходящей зари?
 Нет и вкуса в нем ласки беспечной.
 .....
 Ты давай, не стесняйся, кури.

САН-ПАУЛО

Ночь на склоны упала.
 Сеть фонарей в дырах садов.
 Город святого Павла,
 Пристанище всех богов.

Верят в любовь христиане,
 Католики и баптисты.
 В любви я признался Анне,
 Улыбчивой паулисте*.

Тесно прижались трое.
 Надеюсь, что не любовь.
 Руку в карман, что такое,
 Мне прямо в глаз, а не в бровь?

Ограбили. Но красиво,
 С улыбкой и на лету...
 Завтра увидим Рио.
 Остапа исполним мечту.

* * *

Сдвинулось сердце
 И бьется в висках.
 Желудок в перце,
 А ноги в тисках.
 Слышит солнца овал
 Над озером вскрик.
 Зубами сжевал
 Разбухший язык.
 Тело немеет,
 Хочет на дно.
 Выполз на землю.
 Стало темно.
 Жизнь равнодушна
 К громким словам.
 Уткнулся в подушку —
 Слава зубам...

* Паулиста — девушка, рожденная в штате Сан-Пауло.

ИЛЮШЕ

Шестьдесят два года разница, —
 Какая несуразица!
 При чем здесь опыт и года?
 Мечты все наши сбудутся,
 День этот не забудется
 И взгляд твой,
                                 устремленный в кой-куда.

Пока еще ты маленький,
 А я еще не старенький,
 Есть время подружиться навсегда.
 А мама-то как девочка,
 И бабушки что девушки,
 И дедушки почти что хоть куда.

Вот дядя с папой выпили,
 Рукою губы вытерли.
 Тебе еще вина пока нельзя,
 Ты потерпи немножечко.
 В серебряную ложечку
 Нальем тебе мы сразу «Курвазья».

Мотив не мой, Илюшенька,
 Но ты его послушай-ка.
 С тобою сочиним мы что-нибудь.
 Пойдем по жизни-лесенке,
 Ты петь мне будешь песенки,
 А я уж буду маленький,
                                 всего тебе по грудь.

КНИГА

Где манускрипт найти возможно,
Чтобы, читая осторожно,
Шаги, что переломами чреваты,
Смягчить и приготовить ваты
Стерильной – кровь остановить?

О нем мечтаю до утра.
Но где же взять?
Писать его пора.
Что, как известно, труд серьезный.
Я напишу! Да будет поздно.

ИМПУЛЬС

Ожил вдруг вулкан потухший,
Загудел невнятным рэпом.
Распалили искры душу,
Я-то думал – там лишь пепел.

Стих вулкан, перебесился.
Разошелся запах серы.
Рэп в мазурку превратился,
А душа моя... сгорела.

БОСХ

Бреду по стене
От пола до потолка.
Пот катится по спине
И ноги дрожат, пока
Не понимаю, что я – тень.
В реальности нету меня.
Откуда же тень?
От внутреннего огня.

ПИСЬМО В БРАЗИЛИЮ

Ире и Леве Ц.

Трудно стихи писать по заказу.
Скажем, про осень или про вазу.
Про натурщицу проще,

если моложе

Художника и вольно на ложе
Расположилась с модным журналом
И грудь обнажила. Впрочем, не даром
Из всякого правила есть исключенья.
Сейчас, я в себе подавляя волненье,
Для Ирки пишу и для Льва

в день рожденья.

Муза ревнует, не хочет сдаваться.
Только взлетели, уже повидаться
Нам надобно с вами

и хоть бы спиною

Почувствовать — здесь вы,

рядом со мною.

Душа переполнена, горло схватило...
Как там в Бразилии, светит светило?

СОБАКЕ

Шлеп, шлеп, ко мне снизу собака.
Я сплю, я лежу пластом.
Уходит, вздохнув, бедолага,
С любимым моим носком.

Светает, к утру уже ближе.
Над ухом просящий стон.
Царапает руки и лижет,
А я сочиняю сон.

Понимает собака, терпит.
Совесть моя нечиста.
Сна обрывки сшиваю скрепкой,
Прочту сон потом с листа.

СВИРЬСТРОЙ*

Памятник Кирову в чаще сосновой.
Рядом уснувший монашеский скит.
Слепит Онего кольчугою новой,
Лодки уключина ржаво скрипит.

Пиво прозрачно, а цели неясны.
Дни размывает свет белых ночей.
Спать не могу. Ревнуешь напрасно.
Жизнь неподвижна, и я здесь ничей.

---

* Бывший центр Подпорожского отделения Беломоро-Балтийского Гулага, сейчас маленький поселок, посещаемый туристами с теплоходов, следующих по Волго-Балту.

ПЕРВЫЕ ЗАМОРОЗКИ

Опавшие не умирают листья.
Жить продолжают
на поверхности пруда.
Ее окрасили осенней кистью,
А утром стали частью льда.

СТРАХ

Черное с белым становится серым.
Музыка, голос сливаются в фон.
Ноздри не чувствуют кожи горелой.
Множество мыслей —
и все об одном.

Страх побежден.
Возвращаются звуки,
Между стволов паутина видна.
Мягкие иглы целуют мне руки.
В траве появилась росы седина.

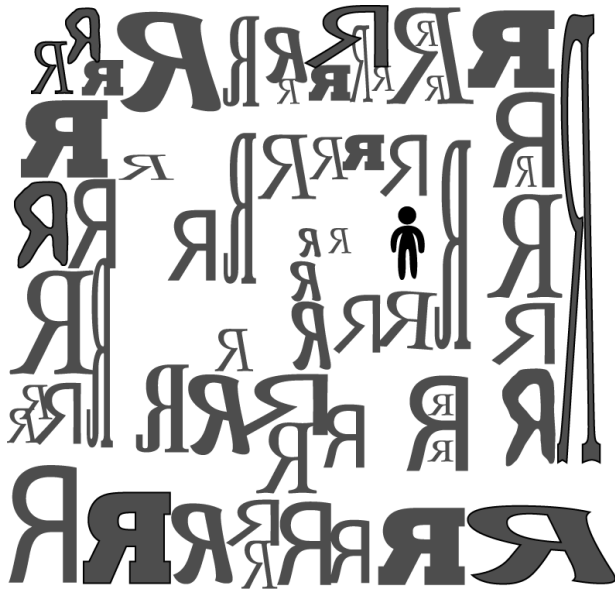
БАНЯ В ЛЫКОВЕ

А. В.

Забывтые ощущения
Раскованной наготы.
Душ обнаженных общение —
Поиски простоты.

Контрасты жизни и смерти,
Распаренных тел развал.
Веником тут проверьте —
Мой позвоночник устал.

С нами парились боги
Всех четырех стихий.
Утро. Подводим итоги —
Читаем друг другу стихи.

ПОИСКИ ИСТИНЫ

Яше

Я спросил за рюмкой у Синая:
Сколько истин есть на свете?
Он задумался — не знаю
Даже, что тебе ответить.

Главных мало, это точно.
Может статься, лишь одна:
Бог на небе. Словно точка,
К ней подходишь — не видна.

Жизнь бежит, мы все в дороге,
Где-то мы закончим путь?

.....

Истин много — все мы боги.
Да, наверно, в этом суть.

ММ — так подписывался Михаил Адольфович Миллер, известный ученый, профессор радиофизического факультета Нижегородского госуниверситета. Я имел счастье общаться с этим замечательным человеком на протяжении почти сорока лет.

Дорогой Ми!

Несмотря на долгую паузу в наших взаимодействиях, я знаю почти все переломки (в смысле точки неаналитичности!) Вашего движения по жизни.

А уж про былые события — совсем никаких беспамятств! Вот чую надвигающийся Ваш день рождения, он всегда раньше наступал после злодейского. Примите по этому случаю мои самые-пресамые!!! И Вам и всем Вашим!!!

А у меня тоже грядет Некое Дожитие, да еще почти запредельное!

Посему обращаюсь к Вам с нахальноватой просьбой: пришлите мне трехкуплетный мадригал, — во первых строфах про себя, во вторых — про меня, а в третьих про нашу (от нас же уставшую!) Планету. Оплата благодарностью Ума и Тела!

Ваш ММ. 21.04.04

ИЗВИНИТЕ, ЧТО НА «ТЫ»

Михаилу Адольфовичу Миллеру

Жизнь происходит толчками.
То отпустит, то бросит в кровать
С разноцветными проводами,
Чтобы дух наш проверить опять.
Жизнь, загляни в картотеку,
Мы проверены много раз.
Она ж нас опять в аптеку,
Она ж нам опять между глаз.

Может, так оно даже лучше —
Нету времени постареть.
И жить в этой жизни нескучно.
Сколько внуков ты хочешь иметь?
Ну, конечно же, эти вирши
Не похожи на мадригал.
Ароматы цветущей вишни
Чувствуешь? Знаю, что угадал.

Что-то снова нам щемит сердце.
 Посмотри, как она стройна,
 Величаво подходит к дверце —
 Как подарок, идет Весна.
 Сколько нам Бог их положит,
 Нет утечки из высших сфер.
 .....
 Вроде бы мы не похожи,
 Но ты для меня — пример.
 С любовью МИР.

*Эти строки я послал М. А. ко дню рождения,
 в начале мая 2004 года. Восемнадцатого сентяб-
 ря того же года Михаила Адольфовича не стало.
 Я надеюсь написать об этом удивительном че-
 ловеке, но нет сил... позже.*

ОСМЫСЛЕНИЕ

Наука сострадания
 Дается нам с трудом
 И дружбу на закланье
 Мы часто отдаем.

Откуда общность эта
 Для рас всех на Земле?
 Во власти чьей планета?
 Ответы — в Каббале:

Единое пространство
 Религий и стихов
 Рождает постоянство
 Достоинств и грехов.

РИТМЫ

Странные перепады недель:
То молчу почти месяц целый,
А то за день море идей,
Не хватает бумаги белой.

Это что — закон сохранения,
Постоянство среднего в год
Или переключения
Мыслей на новый ход?

Копаться в себе интересно,
Но трудно судить непредвзято.
И потому неизвестно,
Где аллегро и где модерато.

МУКА

Болят
    во временном потоке
Разрывом созданные
    пустоты.
В старых письмах –
    новые строки.
Позвонить?
    Некогда.
    Много работы.

СМЕРЧ

Снес границу воды и неба,
Сплел начала света и тьмы.
Бог уснул и при этом не был,
И земля полегла костями.

Но от грохота вдруг проснулся,
Испугался он за себя,
Шумно выдохнув, смерч споткнулся.
Оживать начала земля.

Отощав, раздробились вихри,
Крепит радуга неба свод.
Даже волны в море притихли –
Так встречают солнцеворот.

ПОСЛАННИК

Разноязыкий гомон,
Кафе на Принцесс в Сохо.

— Мы хорошо знакомы?

— Да вроде бы неплохо.

— Откуда вы, скажите.

Как в наши вас края?

— Мне водки закажите —

Сейчас от Бога я.

— Надеюсь, все успешно?

— Тут трудно угадать,

Но понимает грешных

И будет сострадать.

ПУТЬ

Нет бесконечных дней,
Только слепые ночи.
Шины дождем не мочит,
Гибнет свет фонарей.

Кончился резко асфальт.
Дальше путь только пешком.
Все мои мысли о том,
Как мне тебя поддержать.

Страхи зажаты в углу.
Нет передышки в пути.
Сколько нам должно пройти...
Пальцем веду по стеклу.

Стекло набухает огнем.
Ночь наконец-то прозрела.
Ты, улыбнувшись, запела —
Ты снова сидишь за рулем.

* * *

В себе уверенные ели
Неслышно дышат на ветру.
А мы кто есть на самом деле?
Проснувшись вместе поутру,
К стыду, не узнаем друг друга.
Трещит бессмысленно эфир.
Как быть, как вырваться из круга?
В тумане мыслей вижу двери,
Одну из них открыть могу.
Вхожу. В обнимку люди, звери,
И круг начертан на снегу.

ВЗГЛЯДЫ

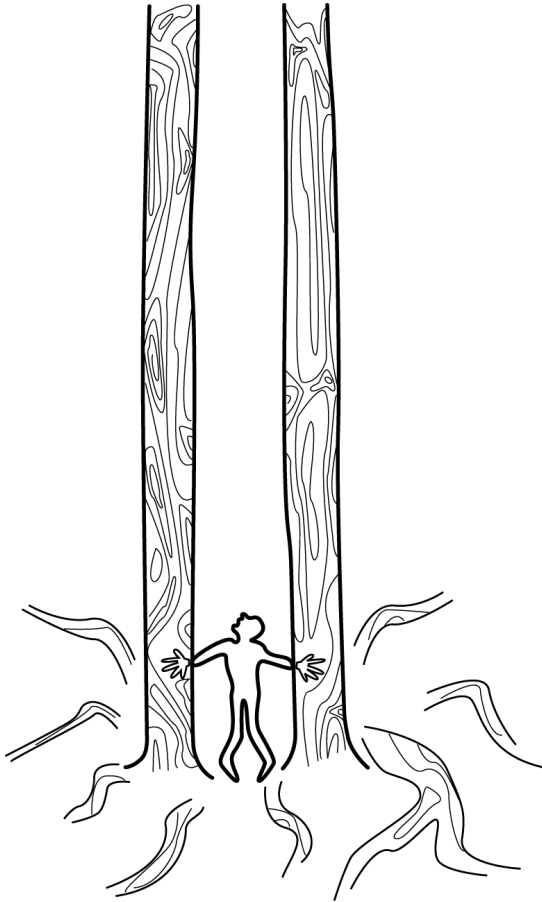
Под властью пристального взгляда
 Ковровый изменяется узор.
 Вдруг нос является, где надо,
 Стал бородой бумажный сор.

Открылся глаз, надулись щеки.
 Заговорил едва возникший лик.
 Про бесполезные уроки,
 Про бедный немощный язык,

Про позабытую культуру,
 Нехватку красок и чернил.
 Вернись назад в свою фактуру.
 Сказал и взгляд я укрупнил.

ВЕНЕЦИАНСКИЕ ЧАСЫ

Расслабленный
 Эзоп покоится на ложе.
 Он суеты пустой
 уже отбросил бремя.
 И только для меня
 через прозрачность кожи
 Он крутит маятник,
 отсчитывая время.

* * *

Щелкает черная птица,
Меня пронизая взглядом.
Солнце на сосны садится,
Кто-то крадется рядом.

Палку я режу. Стружка
Черемухой облетает.
Сам сотворю кукушку.
Сколько она нагадает?

ОТРАЖЕНИЕ

Прозрачность легких вод
И темных вод свинец
Напоминают небосвод
И незадачливый пловец
Волною брошен на песок,
Где некогда Икар упал,
Преодолеть пытаюсь рок,
На крыльях ринувшись в поток
Воздушный между скал.

ВЕРА

Единое пространство
Религий и стихов
Рождает постоянство
Достоинств и грехов.

Наука сострадания
Дается нам с трудом,
И с сильным опозданием
Себя мы познаем.

Светит солнце сквозь тучи,
Яркий веер лучей.
Жизнь старается, учит.
Не иссякнет ручей.

* * *

Стрелки меряют циферблат,
Тени мечутся по стене.
Не понравилось? Всех вам благ,
Не люблю лежать на спине.

Жизнь торопится гнуть и мять
И не хочет со мной на «ты».
Не могу я пока понять,
В чем секрет ее простоты.

ЧЕРНЫЙ КВАДРАТ

Чернота в оконной раме,
Нас смущая простотой,
Только кажется пустой.

Разговаривают с нами,
Видят нас из темноты
Резонансы пустоты.

Ветер вдруг окно раскрыл.
Был ли кто? И кто там был?

ВОСХОД В ГОРАХ

Восход в горах.
    Расщеплены лучи.
Направлен синий вверх,
                    о будущем молчи.
Вниз смотрят желтый
                    с розовым вдвоем.
Я в прошлом,
                    я — охотник с фонарем.
Событья многие яснее стали...
И что ж?
Лишь изредка
                    мне стыдно за детали.

НА ПАЛОМАРЕ СНЕГ*

М. Г.

На Паломар хочу, на Паломар,
 На снег. И взять с собой хочу собаку,
 И от избытка чувств затеять драку,
 Потом раздуть на шишках самовар.

* Паломар – гора в южной Калифорнии.

РАЗГОВОР

Владимиру Высоцкому

Кидаются волны на рваный борт.
 В трюме вода. Паруса б не опали.
 Солнце вплющилось в горизонт,
 Оставив мне каплю
 расплавленной стали.

Солнечной каплей борта я лечу.
 Паруса натянули канаты.
 Тут мне хрипло баркас:
 нам еще бы чуть-чуть,
 Ну хотя бы еще ползаката.

А заката все нет,
 кто ж его отменил.
 Волны, небо и мы в преисподней.
 Я стараюсь, баркас,
 если что, извини.
 Будет завтра закат,
 но не будет сегодня.

III. ЭССЕ

ВРЕМЯ ВНУТРИ НАС

ПРЕЛЮД

Как долго существует Солнечная система? Что будет со Вселенной через много миллионов лет? Почти все из нас могут перефразировать традиционные ответы на эти или подобные вопросы, и я уверен, что в ответах не будет ничего личного. Мало задумывается непрофессионал об этих высоких материях, не волнуют они его по причине полного отсутствия влияния на конкретную отдельно взятую судьбу, а не на цивилизацию вообще. И еще, очень уж далеко ушла наука в развитии абстрактных представлений о пространстве-времени и существующие модели развития Вселенной столь изощренны и далеки от интуитивного понимания, что и профессионалы не всегда находят общий язык друг с другом. Пожалуй, единственное, что мы взяли для себя из представлений о времени «вне нас», — это его направленность от прошлого к будущему, где наша жизнь — «только миг» между ними.

Другое дело время внутри нас. Здесь почти каждый думающий человек имеет свою точку зрения, связанную с его конкретным опытом и зачастую далеко уходящую от представлений современной науки. Понимание времени внутри нас есть резуль-

тат взаимодействия самых разных сторон человеческой жизни и опирается и на нейрофизиологию, и на религию, и на поэзию. Автор предлагаемого эссе — физик, занимающийся последние десять лет нейродинамикой и моделированием нервных функций. Поэтому в первую очередь речь пойдет о вещах, имеющих материальную основу. Однако поэтическое понимание времени внутри нас продвинуто значительно дальше и глубже, чем естественнонаучное, и не воспользоваться плодами этого прогресса, мягко говоря, было бы неразумно.

Теперь о жанре. Почему эссе, в чем его прелесть? В вольности стиля и тематической свободе. Никакой тебе обязательности, это не учебник, где определенные вещи нужно изложить с необходимостью. Вольное общение с читателем порою со странным, почти ирреальным восприятием обратной связи. Эта обратная связь, по-видимому, есть концентрация опыта и интуиции автора, который предвychисляет реакцию той или иной читательской аудитории на сказанное и провоцирует ее на вопросы, ответы на каковые автору самому хотелось бы знать. Так вот, по существу, без всякой генеральной линии плывут автор и читатель вместе по озеру ассоциаций, вглядываясь в глубину и уважительно переговариваясь друг с другом. Плывут каждый по-своему, стилем, которому названия другого, чем вольный, и придумать-то трудно.

ВРЕМЯ И ПАМЯТЬ

Зависимость хода времени внутри нас от температуры души, конечно, вещь тривиальная. Но что нетривиально — это закономерности такой зависимости. Как это ни удивительно, они существуют! Они общие для большинства из нас, не смотря на специфику личного опыта, разный объем и разную насыщенность памяти.

*Мне памяти шагреновая кожа
Сдаст из детства образы вразброд.
Дом двухэтажный с лестницей, похожей
На трап, что провожает самолет.*

*Гремящих самокатов гонки,
Анфиска с квасом под зонтом,
На крыше голые девчонки.
Что раньше было? Что потом?*

Память о давнем прошлом действительно сжимается со временем, однако хранящиеся в ней события не исчезают, но уплотняются. И чем отдаленнее события, тем плотнее их упаковка. Недавние эксперименты позволили описать этот феномен количественно. Как оказалось, плотность событий, то есть того, что происходило с нами и вокруг нас, возрастает экспоненциально при

движении в прошлое. Именно поэтому так трудно расположить их правильно на шкале времени. Ближе слишком друг к другу давние события лежат в нашей памяти.

В нейрофизиологии первые принципы — вещь чрезвычайно редкая. Вторгшийся поначалу в чужой огород физик пытается их искать на основе своего предыдущего опыта, и ему иной раз нужна помощь хозяина огорода. А тот на вопрос, почему же нервная система устроена так, а не иначе, отвечает, как мой добрый знакомый биолог: «Ну, Миша, так природа захотела, гены у нас такие». Вот уж воистину: «— Так создан мир, мой Гамлет! — Так создан мир...». И тем не менее природа использует многократно уже найденные ею однажды удачные решения. И имеется множество тому подтверждений. Например, система восприятия, распознавания и запоминания запахов у большинства обитающих на Земле существ, например у кузнечика и человека, устроена очень похоже. Таким образом, искать эти принципы — задача небезнадежная. По-видимому, и способы хранения времени в нервных системах разных живых организмов также имеют много общего.

Вопросы о том, каким образом память фиксирует временные отметки и как запоминаются интервалы между событиями, очень трудны. Ответы на них связаны с механизмами восприятия

времени нейронными ансамблями и трансформацией последовательности событий в то, что на современном языке называется hardware, то есть в устойчивые изменения свойств нейронов и связей между ними. Не так много известно сегодня об этих механизмах, но нет сомнений, что они существуют. Забежим несколько вперед и допустим, что мы знаем, как распределенная во времени информация упаковывается в нашу память. Что изменится в наших взаимоотношениях со временем вне нас? Да ничего. Не хватает чего-то неуловимого для понимания этих взаимоотношений, не говоря уже об управлении ими. И тем не менее.

Есть у Веры Павловой такие строчки:

*Возраст замечаешь,
если перестаешь
ему соответствовать:
или обгоняешь,
или отстаешь.
А если соответствовать, —
Возраста нет.
Только год
и день рождения.
Сколько мне лет?
.....*

(«Четвертый сон», 2000)

Нервная и исполнительная системы изменяются со временем с разной скоростью, и в какой-то момент обнаруживаются ножницы между тем, насколько себя ощущаешь, и реальностью, то есть насколько можешь. Бывает, конечно, по-всякому, но чаще воспринимаешь себя намного моложе, чем должно. И эта разница ускоряет время вне нас невероятно. Не успеваем мы на пронсящий мимо поезд душевных порывов и хотений разных, и кажется нам, что время вне нас летит, а планы наши остаются планами. Нет, пожалуй, этот феномен неуловимым не назовешь.

Достаточно вспомнить знаменитое «желание-то у меня есть...».

Зайдем с другой стороны.

*Чужие берега не кажутся чужими.
Когда ж меня судьба сводила с ними?
С волнением взглядываюсь в лица
И вспоминаю все, что здесь случится.*

Память о будущем? Полноте, попахивает серой. Не будем спешить, однако. Память наша хранит не только то, что с нами действительно было, но и то, что могло бы быть, — игры воображения, сны... И бывает, что мы попадаем в ловушку собственной памяти. Наступает мгновение, когда совершенно новая ситуация кажется нам

до боли знакомой. Мы даже знаем, что будет дальше, и наше предвидение сбывается, оставляя мистический осадок. Добавлю, что когда мы сами задействованы в происходящем, память о якобы виденном, как обратная связь, провоцирует наше поведение в нужную сторону, способствуя реализации ожидаемого ответа.

Мистика превращается в устойчиво наблюдаемое явление.

Мы перебили себя в момент, когда обсуждали проблему упаковки информации в нашу память. Хорошо. Информация записана. А кто же ее читает? Кто смотрит на огромное число экранов нашей памяти и выбирает нужное, чтобы использовать в размышлениях и поведении? Я не оговорился — «экранов» действительно много.

Дело в том, что человек обладает несколькими видами памяти и внутри каждого вида имеются свои специализированные участки, отвечающие за разные стороны нашей активности. Есть, например, генетическая моторная память, определяющая ходьбу или бег, дыхание, сердцебиение. В момент формирования организма информация, взятая из генетической памяти, определяет устройство так называемых генераторов ритма, которые управляют мышцами и, таким образом, ритмическим поведением.

Генераторы эти в обыденной ситуации авто-

номны от мозга. Поэтому, если ничего экстраординарного не происходит, мы ходим, бегаем, дышим совершенно автоматически и голова наша свободна для более интересных занятий. И только в случае, когда случается Нечто, ритм сердца сбывается, дыхание учащается... Здесь уже высшие эшелоны нервной системы вынуждены подключиться и взять под контроль ситуацию, изменив поведение в целом. Ради выживаемости следует пожертвовать автономией управления. Большинству ритмических движений учиться не надо, и память об их организации у нас наследственная. Обратимся к более сложной проблеме.

Запоминание последовательностей — пути к источнику, стихов и музыкальных мелодий, очередности танцевальных движений и вообще любых мастеровых движений — одна из основных функций памяти. В процессе обучения под действием получаемой от наших органов чувств информации в определенной части мозга устанавливаются специфические связи между нейронами и меняются их свойства. Когда возникает потребность — жажда, приглашение к танцу... — под влиянием уже внутренних сигналов, возникающих в результате концентрации внимания, обученные нейронные ансамбли, которые в данном случае и есть физическое выражение памяти, генерируют сигналы, обеспечивающие нуж-

ную последовательность наших действий. Память о последовательностях превращается в поведение, то есть разворачивается во времени.

Обратимся теперь к более трудным проблемам, о которых поэты думали, наверное, больше, чем нейрофизиологи. Одна из них — коррелированность времени внутри нас с внешними событиями и внутренним временем наших современников или даже живших до нас.

СОГЛАСОВАНИЕ ВРЕМЕН

Представление о синхронности времени всегда и везде, то есть в любых точках, кажется настолько очевидным, что и доказательств-то не требует. А зря. Абсолютной синхронности не существует, хотя «абсолютное время» имеет смысл в повседневной жизни, где речь идет о небольших расстояниях и медленных движениях. Небольших — по сравнению с космическими, медленных — по сравнению со скоростью света. Именно устранение привычного представления об абсолютности времени позволило Эйнштейну сформулировать идеи специальной теории относительности, которая сейчас проверена самыми разнообразными экспериментами.

Может быть, со временем внутри нас всё по-

другому в смысле синхронности? Ведь ритмы мозга у людей примерно одинаковы. Да, одинаковы, но они здесь ни при чем — секунды и доли секунды нас сейчас не волнуют. Речь идет совсем о других масштабах — сутках, годах, а зачастую и обо всей жизни. Время внутри нас зависит от эмоционального восприятия мира, которое, возможно, и связано с ритмами мозга, но очень уж опосредованно. Поэтому ни о какой синхронности времени, даже между близкими людьми, вроде бы говорить не приходится. Исключением, возможно, являются близнецы. Говорят, что они чувствуют и сопереживают одинаково быстро или одинаково медленно. Здесь нужно остановиться и разделить две вещи — есть *синхронность* и есть *синхронизация*.

Синхронность — это совпадение хода разных часов, моментов вдохновения любящих и т. д. Синхронизация же — организация такой синхронности за счет взаимодействия одной системы с другой или воздействия на систему внешнего мира. Многие замечали, что если актеры играют на одном дыхании, то зал заражается жизнью на сцене и люди в зале и на сцене одинаково ощущают ход времени. Сцена и зал синхронизируют друг друга. Это феномен взаимной синхронизации. Подобное же может произойти и в случае, когда воздействие направлено лишь в одну сторону, на-

пример от автора к читателю. При этом читатель и синхронизирующий его автор могут далеко отстоять во времени. Тем не менее ход внутренних часов автора может синхронизовать ход внутренних часов читателя. При этом связь автора с читателем через текст однонаправленная и синхронизацию, если она случается, разумно назвать не взаимной, а вынужденной. Используют еще термин «захватывание». Живое общение автора — музыканта, поэта, священника, гуру — с аудиторией может благодаря синхронизации внутренних часов перерасти в синхронные движения слушателей.

Конечно, синхронизация возможна не всегда. Полоса синхронизации зависит от того, насколько сильна связь между рассказчиком и слушателем при заданном разбегании внутренних часов. Если разница во внутренних временах слишком велика, никакие таланты не позволяют автору захватить слушателя и они теряют друг друга. Мне не раз приходилось слышать, что многие тексты, например, Александра Гениса слишком плотны и потому их трудно читать. Если глагол «читать» заменить глаголом «осмысливать», это безусловная правда. Настроившись на легкое чтение, не успеваешь за эрудицией и ассоциациями автора, и никакой синхронизации не происходит. Особенно важна синхронизация с текстом при исполнении стихов. Бывает, что стихи в ис-

полнении профессиональных артистов совершенно не трогают слушателей, автор же с тихим голосом и не очень четкой артикуляцией заставляет зал плакать. Зря профессионал навязывал стиху свое внутреннее время, стиху не свойственное.

Не часто, но случаются в зале люди с независимым мышлением, не согласные с автором по существу. Убедить их «на ходу» невозможно в силу продуманности и устойчивости их мнений. Тогда о синхронизации говорить не приходится. Мало только таких людей, потому-то массовый гипноз и возможен.

Внутренние часы отсчитывают не дни или минуты, а события. И что более нетривиально, отношение к ним:

*У времени причудливые формы.
А измеряется оно
Гудком состава у платформ,
Неловкими объятиями в кино.*

*Стиха прерывистым дыханием,
Оставшимся глотком воды.
Твоим, любимая, молчанием
И расстоянием до беды.*

Это когда события происходят и на них реагируешь. А если ничего не происходит:

.....
 Там каждый час стирается в уме,
 и лет былых бесплотные фигуры
 теряются — особенно к зиме,
 когда в сенах толмятся козы, овцы, куры.
 (Бродский, 1963)

Может возникнуть ощущение, что синхронность или несинхронность времени внутри нас, таких разных, определяется тем, что происходит вокруг. Если мы живем в одном месте и в одних и тех же условиях, то и часы наши внутренние вроде бы должны синхронизоваться общими для нас событиями. Как говорят в Америке, Yes and No. Каждый наверное замечал, что когда кинофильм интересен, то пара часов пролетает, как одно мгновение, а если нет — то те же два часа кажутся бесконечными. Но ведь фильм одних захватывает, других — нет. Вот и ответ.

Добавлю, что мы говорим о «согласовании» времен, то есть речь идет о сравнительно слабых воздействиях или взаимодействиях. Они не разрушают систему, а лишь подстраивают ее. Когда же «век-волкодав» кидается на Поэта, это уже не согласование, а убийство в духовном или даже в буквальном смысле.

ОЩУЩЕНИЕ И ОСОЗНАНИЕ ВРЕМЕНИ

Многие из нас задумываются о времени во всех его смыслах. Проследить же за разнообразием наших отношений со временем, равно осознанных и неосознанных, удобнее всего, опираясь на ансамбль людей пишущих. И в первую очередь вчитываясь в стихи. Журналистика здесь не к месту — слишком она зависит от дуновения сиюминутных ветров.

Несмотря на единство поэтического пространства, даже у одного автора каждое стихотворение — это отдельный мир часто со своим временем. Именно поэтому оно требует для себя простора — один стих на странице. И именно поэтому требуется временная передышка — интервалы тишины между стихами. Слишком много в каждой строчке и даже каждом слоге, чтобы дать возможность стихам громоздиться друг на друга во времени и пространстве.

Ход времени в стихотворении определяется не столько содержанием и ритмом, сколько авторским ощущением времени как единого целого. Мандельштаму, например, и принцип причинности не указ. В его восприятии время двунаправленно:

*И Шуберт на воде, и Моцарт в птичьей гамме,
 И Гете, свищущий на вьющейся тропе,*

*Не ученичество миров,
А бред овечьих полуносок.
(«Грифельная ода», 1923, 1937)*

Ни одного глагола! У Мандельштама, особенно раннего, мир представлен мгновенными снимками, через которые проглядывает вечность. Возникает ощущение, что свидетель описанного живет бесконечно долго и ход времени для него особого значения не имеет.

Нечто похожее характерно и для поэзии Бродского. Как я прочитал у Юрия Лотмана («Мандельштам и Пастернак», Aleksandra, Tallin, 1995): «Отказ от времени, как основного конструктивного принципа, в пользу пространства был для Мандельштама важен чрезвычайно. При этом он опирался на идеи А. Бергсона». Другими словами, Мандельштам не представляет в стихах хода времени сознательно. О какой связи с внутренними часами тут может идти речь!

Так он воспринимает время внутри вечности. Как говорится, богам позволено.

ИГРА

Игра как вариант жизни подбрасывает полешек в костер размышлений о времени внутри

нас. Не только в смысле возвращения в детство и возобновления возможности подгонять граничные условия под наши желания, но и буквально — позволяя неспешно думать и чувствовать без всяческих действий. В реальности для корректировки нашего поведения необходима обратная связь через среду: поведение — окружающая среда — органы чувств — мозг — поведение. Во внутренней игре подобная обратная связь может не выходить за пределы нервной системы, то есть поведение может быть мнимым, а ощущения — спровоцированными воображением. Это дает нам благодарную возможность многократно проигрывать варианты жизни и... даже приблизиться к пониманию сознания.

Временные масштабы такой внутренней игры зависят только от нашей эмоциональной заряженности и уровня воображения. Именно в игре мы забредаем иной раз за недозволенную границу между бытием и небытием, задумываясь над ее непостижимостью. Здесь вопрос о временных масштабах даже и не возникает.

Расставаясь, мне хочется пожелать, дорогой читатель, чтобы у нас с вами были возможности и время еще поразмышлять на эту удивительную тему о времени внутри нас.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ТВОРЧЕСТВА: СТИХИ И ФОРМУЛЫ

*Они друг друга возбуждают
Заполнив время и пространство,
И, как любовники, страдают
От вечного непостоянства [1].*
Михаил Рабинович

ПРЕАМБУЛА

И ученые, и поэты задумываются о природе творчества. Много написано по этому поводу и теми, и другими. В предлагаемых заметках я попытался соединить свой жизненный опыт работы в науке с не слишком длительным поэтическим опытом и выразить то общее, что, как мне кажется, присуще творчеству и в поэзии, и в науке. Я иллюстрирую сказанное стихами классиков, но также и своими, поскольку точно знаю, что хотел ими выразить.

НЕХВАТКА СРЕДСТВ

Поэзия многозначнее науки, и часто то, что удается выразить словами больше и глубже, чем

сами слова, и даже их отрицает! Именно поэтому так важен воздух стиха, создаваемое им настроение, не только слова, но и образуемые ими структуры, включающие интервалы между словами. Формулы же есть формулы. Материал можно изложить ярче или глуше, с педагогическим мастерством или без одного, но если теорема доказана, результат есть! Вот доказать-то ее часто и не хватает средств (то есть теорем, доказанных прежде). Идея есть, а результата нет! То же и у поэта:

*Что этим мукам нет имен,
Я должен был бы знать заране,
Но я искал их и клеймен
Позором этого старания.*
(Борис Пастернак, «Голод», 1922)

Потому и творчество, что средств не хватает.

И опять я отвечаю моему вечному оппоненту, моему второму «я»: хотя науке вроде бы нужна холодная голова, а поэтическое «перо пишет плохо, если в чернильницу не прибавить хотя бы несколько капель собственной крови» (Одоевский), в поэзии и науке гораздо больше общего, чем кажется на первый взгляд. Эйнштейн в речи, посвященной 60-летию Планка, заметил: «Человек

стремится каким-то адекватным способом создать в себе простую и ясную картину мира... Этим занимаются художник, поэт, философ, естествоиспытатель. Каждый по-своему. Душевное состояние, способствующее такому труду, сродни чувству верующего или влюбленного» [2].

Писатель Марк Харитонов выразился вполне физическим языком: «Искусство представляется одной из сил, призванных противиться энтропии, распаду, гибели» [3]. Добавим, что и поэзия, и наука в разной, конечно, форме, творят информацию. Она и есть, с отрицательным знаком, изменение энтропии, о которой говорит писатель.

ОЗАРЕНИЕ

*Энергий нервных всплеск бегущий
Овладевает чувствами. При этом
Творит из всех в тебе живущих
Философа, провидца и поэта* [1].

Есть вещи, которые бессмысленно объяснять, — вдохновение, любовь, озарение. Всякое объяснение подобных вещей есть в некотором роде обман, или, как говорят в науке, «заметание трудностей под ковер». Потому что эти вещи — колдовство. В одном из фантастических рассказов обнаружилась скрипка Страдивари, на деке ко-

торой удалось прочесть секрет ее изготовления. Сам секрет почему-то не приводился. Пришлось додумать:

*Озвучим жизнь плодами мастерства.
Рецепт потомкам будет интересен:
Берем совсем немного колдовства,
Стамеску и настрой старинных песен* [1].

Все, кому удавалось открыть, придумать или сочинить нечто нетривиальное, уверен, задавались вопросом: как это я смог догадаться? Ответ универсальный: а не знаю! Вспомним: «Ай да Пушкин, ай да сукин сын!» И тем не менее условия, способствующие открытиям или озарениям, хорошо известны и они общие и для стихов, и для разрешения кажущихся неразрешимыми научных загадок. Надо, как выразился Анри Пуанкаре, довести себя до состояния чрезвычайного умственного напряжения, граничащего с галлюцинациями, и тайна откроется. Возможно, в ассоциативной форме:

*Мир формул, логики и знаков
Не лед, а пламень, он неодинаков.
Он требует от быта отрешенья
И разряжается неведомым решением* [4].

Без эмоционального напряжения, высочайшей

степени душевной открытости стихи не затрагивают, даже если выглядят стихами. Скучны! Не то что у Бориса Слуцкого:

*Пограмотней меня и покультурней!
Ваш мозг — моей яснее головы.
Но вы не становились на котурны,
На цыпочки не поднимались вы!
А я — пусть на ходулях — дотянулся,
Взглянуть сумел поверх жителя-бытья,
Был в преисподней и назад вернулся,
Вы — слушайте!
Рассказываю — я [5].*

Читаешь эти стихи, и аж сердце колотится, такой возникает резонанс. Абсолютно антискучны и стихи Леонида Мартынова, которому я посвятил такие строки:

*У многих ладные стихи:
И музыкальны, и красивы,
Но нету в них твоей строки,
Что придает им силу взрыва.*

*Интриги нет и колдовства,
Телескопического слова,
В них не хватает торжества
И «наваждения лихого» [1].*

Ощутить колдовство дано многим. Не надо только обманывать себя и выдавать то, что получилось, за то, что хотелось:

*Чувств порыв возвышает сознание.
Уж сердечный не трогает сбой.
Продолжают свое состязание
Жизнь со смертью,
Желания с судьбой [4].*

ЯЗЫК, СИМВОЛ, ЗВУК

*Мы учились не говорить, а лепетать — и, лишь
прислушиваясь к нарастающему шуму века и
выбеленные пеной его гребня, мы обрели язык.
(Осип Мандельштам)*

Конечно, речь идет о языке, на котором хочет творить Художник, Личность. Степень несвободы в науке и поэзии разная. Много можно говорить на эту тему, но скажу только, что без страстного стремления обрести индивидуальность и ученому, и поэту худо. Безликость, уравниловка, страх подавляют даже попытку к творчеству:

*От общих фраз устав когда,
Уходим в тишину*

И слышим, как молчит вода,
 И чувствуем волну,
 Что излучает лес,
 Ее тревожный шепот.
 Уходит боль
 И в корчах бес —
 Теней не страшен топот.
 Тогда из судорог молчания
 Слова рождаются с трудом.
 Они похожи на рычание,
 Но скоро станут языком [4].

Твоим собственным языком. Когда и он «заиграется» и станет банальным, придется творить новый. И это процесс непрерывный. Среди тех, кто занимается наукой, давно известно, что некоторые авторы лучше своих работ, а некоторые — хуже. Совпадение очень редко. То же и в поэзии. Как волновали стихи, исполняемые поэтами-шестидесятниками в огромных аудиториях. При проговаривании же их наедине эффект часто оказывался на порядок слабее — не хватало рядом яркого, талантливого автора. Зачем вообще поэт или ученый стремятся выступать? Ответ многозначен.

Александр Генис, говоря о Бродском [6], заметил, что поэт, произнося строчки вслух, выпускает их на волю; звукам возвращается то, что у них отняли чер-

нила, — жизнь. В научном творчестве очень похоже: написание статьи сглаживает внутренние метания по пути к результату, загоня эмоциональное напряжение, сопутствующее его поиску, в прокрустово ложе журнального стереотипа. На семинаре же вольно или невольно автор под влиянием общения с аудиторией раскрывается и озвучивает неформальную, наиболее интригующую сторону работы. И в поэзии, и в науке очень важен для дальнейшего движения отклик или эхо. Звук же благоприятствует эху:

.....
 За эхом и мечтами
 Готов идти в ночи.
 Где ж я тебя оставил?
 Ответь мне, не молчи.
 С годами связи рвутся,
 Седает голова,
 Но эхом отдаются
 Отдельные слова [1].

Есть еще одна причина, по которой хочется выступить. Наверное, для нее подходящий термин — «освобождение». Это потребность высветиться, выплеснуть энергию радости открытия, мысли, рифмы. Поделиться ими с аудиторией, освободиться от напряжения уже достигнутого и дви-

гаться дальше. Не всегда автору (или одному из соавторов, правда, стихов, написанных в соавторстве, я не встречал) удастся достичь контакта с аудиторией. Но если удастся, ничто не может сравниться с возбуждением и наслаждением, которое доставляет взаимопонимание и автору, и слушателям:

.....
*Названия уже неважны,
 Зал понимает праязык.
 Без лишней грамоты бумажной
 Твой голос в души к нам проник [4].*

Обратная связь с аудиторией, и отрицательная тем более, модулирует собственное мнение о сделанном и помогает, с одной стороны, добиться более яркого и чистого звучания, а с другой — окончательно утвердиться в правильности избранного пути. О гениях не говорю. Их восприятие истины самодостаточно. Они и с богом-то не особенно считаются, а уж с мнением окружающего мира тем более. По выражению Вересаева, «Пушкин своего права художественного творчества не отдал бы ни за что — ни за Бога, ни за народ, ни за какие блага мира» [7]. То же можно сказать и о Бродском. На вечере памяти поэта, состоявшемся на сороковой день после его кон-

чины в соборе Святого Иоанна (Нью-Йорк), прозвучал записанный голос Бродского:

*Меня упрекали во всем, окромя погоды,
 И сам я грозил себе часто суровой мздой.
 Но скоро, как говорят, я сниму погоню
 И стану просто одной звездой.
 «Не сердце, а голос последним покидал
 тело поэта» [6].*

И у великих, однако, и в науке, и в поэзии случаются периоды исключительного разочарования и предельного неверия в себя. Тогда авторы уничтожают рукописи (Гоголь, Булгаков) или даже себя (Большман, Эренфест). Не с таким экстремальным исходом, но подобные сомнения есть неотъемлемый элемент творчества. Точно заметил Владимир Войнович: «Для писателя самодовольство хуже самоубийства. Собственно, оно само по себе и есть вид творческого самоубийства» [8]. Выходу из кризиса способствует, конечно, благожелательность среды, но более — полная концентрация внутренней энергии:

*Язык уперся в альвеолы,
 Отрублен крик и пущен прочь.
 Со мной упрямые глаголы —
 Суметь, осмыслить, превозмочь [4].*

ПРОСТОТА И КРАСОТА

*Мы ценим точных формул простоту.
В них хочется всмотреться снова.
Они напоминают красоту
Удачно сказанного слова [9].*

Настоящая наука, как и поэзия, всегда красива. Эмоциональное восприятие этой красоты даже проникает иногда напрямую в научную терминологию. Например, в современной теории поля есть такое определение: Красота (прелесть) — аддитивное квантовое число, присущее так называемым красивым, или прелестным, адронам, сохраняющиеся в процессах сильного и элементарного взаимодействия и нарушающиеся в процессах слабого взаимодействия. Носителем «красоты» является b -кварк [10]. В других сферах человеческого существования носителями красоты служат другие элементы, а сохранения красоты в нашем классическом неравновесном мире вообще не наблюдается. Она может прирастать благодаря человеческой деятельности в определенные времена и в определенных областях пространства, а может и теряться, и не только бесследно, но и необратимо — разрушаться. Можно ли как-то формализовать красоту в искусстве? По-видимому, нет. Красота в принципе интуитивна и неуловима! И тем не менее... Поскольку восприятие красивого часто воспроиз-

водимы во времени и инвариантно по ансамблю, то есть подобно характеризуется разными людьми, какие-то общие признаки красоты существуют. Часто это простота и симметрия.

Кристаллограф Чарльз Банн писал: «Кристаллические формы, исключительно примитивные с точки зрения художника, несут в себе нечто от эстетической привлекательности простоты...». Вспомним «Черный квадрат» Малевича. Классические стихотворные размеры с их очевидной периодичностью ударений как раз и есть кристаллические формы. Встречаются, однако, и более изощренные размеры, заключающие в себе красоту, которая сразу не бросается в глаза и не поддается мгновенной оценке. Это, в частности, пятистопный анапест, для которого отношение количества ударений в соседних строках близко к так называемому золотому сечению [11]. «Это число $q = (1 + \sqrt{5})/2$ играет исключительную роль в попытках сведения красоты пропорций к математической формуле» (Герман Вейль). Поэты, использующие пятистопный анапест (Фет, Мандельштам, Бродский), вряд ли думали о золотом сечении, но ощущение красоты присуще их естественному восприятию мира:

*Всё умолкает вокруг.
Только черный буксир закричит
Посредине реки,*

*Иступленно борясь с темнотою,
И летящая ночь
Эту бедную жизнь обручит
С красотой твоей
И с посмертной моей правотою.
(Бродский, «Стансы городу», 1962)*

Возможно, многие читатели любовались удивительной красоты восточными орнаментами с их как бы ускользающей регулярностью. Это то, что сейчас называют квазикристаллами [11]; они характеризуются дальним порядком, но «сдвиговая инвариантность» в них нарушена. В их пропорциях также встречается золотое сечение или близкие к нему отношения (составленные из чисел Фибоначчи): $3 : 2$, $5 : 3$, $8 : 5$, $13 : 8$, $21 : 13$ ..., что в пределе дает число $1,618$ ... (или для обратных отношений $2 : 3$, $3 : 5$, $5 : 8$ и т. д. в пределе — $0,618$ ...).

Это число лежит в основе построения многих произведений мировой архитектуры, музыки, живописи* и, как уже говорилось, поэзии. Золотое сечение известно с древности:

* Классики средневековья, и в особенности Альбрехт Дюрер и Леонардо, часто использовали пропорции золотого сечения, например, для выделения главного действующего лица среди других, изображенных на полотне. По мнению некоторых экспертов, неоимпрессионист Сёра (Seurat, 1859–1891) использовал золотое сечение в каждой своей картине. Особенно наглядны его «Парад» и «Купальщики». В музыке в связи с этим магическим отношением, чаще других упоминается Клод Дебюсси.

*Гармония стиха
И древнего собора,
Как будто услышал
Мелодию. Валторна
Рождает впечатление
Простоты,
Что в золотом сечении
Находит выражение
Красоты.
Подобие лет,
Событий странных
Не понимаем мы, пока
Не открываем постоянных,
Что связывают
Души и века [1].*

Наряду со способностью удивляться умение чувствовать красоту, «...глубокую красоту, которая кроется в гармонии частей и постигается только разумом... и которая дает удовлетворение сама по себе...» [1, 12] и определяет выбор профессии теми, кто решил посвятить себя занятиям наукой. Подобную мысль в своей статье «Замыслы гения» высказал Юрий Лотман: «...искусство служит орудием мысли именно потому, что оно остается искусством и что создание красоты есть высокий акт познания... Такое понимание миссии искусства,

вплотную подводя к наиболее современным идеям, снимало вековое противопоставление красоты и познания» [13]. Как считает Лотман, именно этому посвящен пушкинский отрывок:

*О сколько нам открытий чудных
Готовит просвещенья дух,
И опыт, сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг,
И случай, бог-изобретатель...*

Для совершенства красоты, помимо симметрии, нужно еще нечто, Природа потому и прекрасна, что Бог создал дефекты, Насколько привлекает изображение спиральных волн или странных аттракторов, суть которых определяется особенностями. Это могут быть особенности векторного поля в фазовом пространстве, где встречные потоки сталкиваются и расходятся, разделяемые сепаратрисами, либо исчезают в черной дыре аттрактора. Это могут быть особые слова или ударения в ткани стиха. Особенности концентрируют внимание и являются часто конечной целью мысли, подсказки, движения. Бывает, что именно такое слово-аттрактор и определяет смысл стиха:

*Галилей
Ослеп от старости*

*Или от трубы подзорной?
Галилей
Ослеп от ярости,
Ибо жил как поднадзорный.
(Леонид Мартынов, 1976)*

На таких аттракторах базируется интрига стиха:

*Отбросив ворохи цитат,
Ты получаешь результат.
Он столь безумен на пороге,
Что станет истиной в итоге [4].*

Возможно, «особенности-аттракторы» и есть «кванты стиха», которые сейчас вдохновенно ищут многие ученые-литературоведы (см., например, [14]). Иногда такие особенности всюду плотны:

.....
*Он знал, как стонет костный мозг,
Как кости бьются в лихорадке;
Лишенным плоти не дано
Соединенья и разрядки.
(Томас Элиот,
Шепотки бессмертия,
перевод А. Сергеева [15])*

ЧТОБ КРОВЬ ОСТЫНУТЬ НЕ УСПЕЛА

*Ну что ж, мой друг, двух жизней нам не жить,
И есть восхода час и час захода.
Но выбор есть, и дивная свобода
В том выборе, где голову сложить.*

*(Юрий Левитанский,
из книги «Приближаясь
к спокойному устью»)*

Есть в науке такой подход — работать в «эпсилон-окрестности», где эпсилон — малая величина. Попро-сту это метод малых обобщений. Не пытаться уйти в отрыв и искать что-то действительно оригинальное, а делать то, что все и как все. Только чуть-чуть вширь или вглубь. И это полезно и в науке, и в поэзии, поскольку приводит к накоплению массы. Только гигантам дано вопреки всему сознательно вырваться за границы «эпсилон-пространства» и не только увидеть мир с неожиданной стороны, но и со-творить для его описания и предсказания новые подходы и технологии. В точных науках это, к примеру, Пуанкаре (метод фазового пространства), Дирак (матричная форма квантовой механики), Фейнман (диаграммная техника). В поэзии — Мандельштам, Бродский, Элиот... Например, у Мандельштама:

*Художник нам изобразил
Глубокий обморок сирени*

.....

или у Бродского:

*Сжимая пространство до образа мест,
Где я пресмыкался от боли.*

.....

Можно совершить прорыв, оперируя и хорошо известными методами. Примеры в физике — великий Бор, Яков Френкель. Они новых технологий не изобрели, но, обладая чудовищной интуицией, фактически создали новые области. В поэзии следует назвать Есенина и особенно мною любимого Заболоцкого (красотой и ясностью мышления он напоминает Бора):

*Как мир меняется! И как я сам меняюсь!
Лишь именем одним я называюсь, —
На самом деле то, что именуют мной, —
Не я один. Нас много. Я — живой.
Чтоб кровь моя остынуть не успела,
Я умирал не раз. О сколько мертвых тел
Я отделил от собственного тела!*

*(Николай Заболоцкий,
«Метаморфозы», 1937)*

Не зря в науке считается, что область интересов следует менять каждые семь — десять лет. Инерция прошлых открытий ухудшает зрение,

снижает порог и в определенном смысле развращает. У поэтов то же самое. Как сформулировал критик Владимир Соловьев: «Самое трудное — освободиться от гипноза того, что ты когда-то сам сочинил... Художник должен «отличать поражение от победы» (наперекор пастернаковскому утверждению) и время от времени глядеть на себя со стороны — неочарованно, трезво, даже сурово» [16]. В этом-то и радость творчества:

*Позволь познать свои пороки,
Их приручить иль извести,
Чтобы в отпущенные сроки
Успеть другие обрести [4].*

Зависимость — еще одно испытание на пути творчества. Много говорено и писано о творческой зависимости от научного или поэтического лидера. Передозировка общения (прямого и косвенного) опасна для личности. Многие петербургские поэты и сейчас пишут «в духе» Бродского. Хорошо известны имена тех, кто отточил свое мастерство благодаря близости к Маяковскому, но они так и не обрели собственного сильного голоса. Для крупных личностей, однако, передозировка не смертельна и, являясь чем-то вроде сильной прививки, способствует творческому иммунитету. Об этом пишет в замечательной

книжке «Воскресение Маяковского» Юрий Карабчиевский [17], приводя в качестве примера Пастернака и Заболоцкого: «Мы должны быть по гроб жизни благодарны Брикам и всей лефортовской веселой компании за то, что они оттолкнули, исторгли из себя его (Пастернака. — М. Р.) чуждую душу, вместо того чтоб навек ее поглотить.

*Всё изменяется под нашим Зодиаком,
Но Пастернак остался Пастернаком.*

Эта эпиграмма Ал. Архангельского звучит сегодня как вздох облегчения.

Выход за рамки «эпсилон-пространства», вначале сильно раздражающий коллег, довольно быстро овладевает умами, если вновь предлагаемые методы адекватны законам природы, гармонии, восприятия творчества. Не всегда эта адекватность улавливается автором. Сбои случаются и у великих:

*Зачем Урания, Августа —
Чтоб в трепете зашелся жлоб?
А вот название «Капуста»
Для лирики не подошло б?
(Лев Лосев, «Об обуви» [18])*

Подобные сбои означают лишь необходимость пытаться снова и снова...

ПРОСТРАНСТВО – ВРЕМЯ

*Легко объяснил он кому-то:
В сложении слаб человек,
Как тянутся долго минуты,
И странно, как короток век [1].*

Интуитивное представление о времени связано с понятием вечности — некоей неизмеримой абсолютной длительности, на фоне которой раз-ворачивается жизнь с ее причинно-следственными соотношениями: раньше, позже, одновременно. Такое время неравномерно — оно зависит от наполненности событиями, их значимости; может сжиматься и растягиваться:

*У времени причудливые формы.
А измеряется оно
Гудком состава у платформы,
Неловкими объятиями в кино.
Стиха прерывистым дыханием,
Оставшимся глотком воды.
Твоим, любимая молчанием
И расстоянием до беды [1].*

Математическое же время никакой обратной связи с восприятием не имеет. Оно протекает равномерно и называется длительностью. Такое абсолютное, или истинное, время, как и абсолютное — однородное и бесконечное — пространство,

поэта не волнует. Оно ему неинтересно, поскольку не соответствует многомерному образному восприятию переменчивого мира. В этом смысле поэту гораздо ближе идея Эйнштейна о том, что геометрия единого пространства-времени зависит от потенциалов гравитационного поля. Пространство-время, оказывающееся в общей теории относительности неоднородным и неизотропным, более адекватно поэтическому мышлению. Для поэта подобными гравитационными потенциалами служат люди или события. Гравитационные заряды, конечно, влияют друг на друга, рождая новые пространственно-временные связи, и, таким образом, воздействуют и на само творчество.

Во все эпохи ученые и поэты одинаково чувствовали исключительность своего времени. Правда, для ученого вопрос об однонаправленности времени кажется почти решенным, по крайней мере когда можно разделить причину и следствие. Для поэта же время воспринимается почти как пространство — пользуясь воображением и памятью, по нему можно блуждать в разных направлениях и даже жить и творить одновременно в нескольких временах:

*Двумерный лист, трехмерная рука,
И можно прочитать стихотворение
Во времени, чья бесконечная река*

В четвертое уходит измерение,
 Стекая в память неподвластно глазу.
 В потемках, двигаясь вдоль временной оси,
 Мы ощущаем, пусть не сразу:
 В средневековье дождик моросит,
 И Леонардо буйный разум
 Одновременно
 В разных временах творит:
 В античном, греков продолжая,
 В своем, изобразив Мадонны лик,
 И в нашем, турбулентность постигая...
 Он многомерность Времени постиг [1].

Разрыв между временем за окном и поэтическим временем может быть произвольно велик:

Читатель мой, сентябрь уж миновал,
 И я всё больше чувствую провал
 Меж временем, что движется бегом,
 Меж временем и собственным стихом.
 (Иосиф Бродский)

И тем не менее и поэтическое время в итоге оказывается однонаправленным. Просто потому, что проходит:

Приходит время убирать
 Сеть паутины в доме отчем,

Приходит время умирать,
 Но и оно проходит, впрочем!
 (Леонид Мартынов,
 «Приходит время», 1979)

Наверное многие замечали, что мгновенные снимки — фотографии, даже правильно расположенные в смысле причинно-следственных связей, не дают нам реального ощущения времени. В них нет временного масштаба. Кажется, что между двумя снимками произошло нечто наиболее важное, навсегда утерянное. Мы ощущаем время, проживая его, и само оно, и даже его направление зависят от нашего знания, нашего состояния и тревог:

.....
 И все, чего нет на картине,
 Ему пережить суждено.
 (Вадим Шефнер)

Завершая эти краткие размышления об общих чертах творческого процесса ученого и поэта, добавлю, что результат этого процесса **R** более всего зависит от произведения удачи **L** на успех **S**: $R = L \cdot S$. Здесь **S** есть результат наших волевых усилий, **L** же определяется не нами. Дай вам бог, читатель, и того, и другого.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Михаил Рабинович**, *Кольца времени*. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2002.
2. **А. Эйнштейн**. *Собрание трудов*. Наука, М.: т. 5, 19?.
3. **Марк Харитонов**, *Способ существования*. М.: Новое литературное обозрение, 1998.
4. **Михаил Рабинович**, *Из неопубликованного*.
5. **Борис Слуцкий**, *Странная свобода*, М.: Русская книга, 2001.
6. **Александр Генис**, *Бродский в Америке*, в кн. «Иосиф Бродский: творчество, личность, судьба». СПб: изд. ж. «Звезда», 1998, 8–15.
7. **В. В. Вересаев**, *В двух планах*. М.: Захаров, 2000.
8. **Владимир Войнович**, *Портрет на фоне мира*. М.: Эксмо-пресс, 2002.
9. **Михаил Рабинович**, *Вверх по склону*. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2001.
10. **В. Г. Дашевский**, *Красота*. Физическая Энциклопедия. М.: Советская Энциклопедия, т. 2, с. 489, 1990.
11. **М. И. Рабинович**, **А. Б. Езерский**, *Динамическая теория формообразования*, М.: «Янус-К», 1998.
12. **Анри Пуанкаре**, *Наука и метод*. Собрание трудов. М.: т. ?, Наука, 19??.
13. **Юрий Лотман**, *Замыслы гения*. «Известия» № 362, 28 декабря 1986.
14. **Daniel Albright**, *Quantum Poetics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
15. *Американская поэзия в русских переводах*, сост. С. Б. Джимбинев. М.: Радуга, 1983.
16. **Владимир Соловьев**, *Три еврея, или Утешение в слезах*. М.: Захаров, 2002.
17. **Юрий Карабчиевский**, *Воскресение Маяковского*. М.: Страна и мир, 1996.
18. **Лев Лосев**, *СТИХИ-собрание-ПРОЗА*. Екатеринбург: У-Фактория, 2000.

Сан-Диего,
октябрь 2002

ВСПОМИНАЯ ОТЦА

Удивительно иногда складываются звезды. Приехав по делам в самом начале июля 2004 года в Нижний, я встретил в университете профессора Николая Владимировича Карякина, заведующего лабораторией термохимии, ученика моего отца. Он сказал: «Ты знаешь, что сейчас в университете проходит Всероссийский симпозиум по термохимии, посвященный 90-летию со дня рождения Израиля Бениаминовича? Сможешь прийти и рассказать про отца?»

Очень я волновался, выйдя на сцену. Редкое это счастье — быть свидетелем благодарной памяти учеников к своему учителю, с которым, помимо биологической связи, был соединен, возможно, даже более тесными узами — пожизненной дружбой.

Не буду пересказывать моего выступления, очень уж оно было эмоциональным. Да ведь и момент был особенный. Приведу вместо этого интервью со мной корреспондента газеты «Поиск-НН», в которой оно и было опубликовано ко Дню науки вместе со статьей об отце, написанной его учениками. Вот оно.

— Ваш отец был выдающимся ученым в области химической термодинамики, вы известный

физик. На каком этапе разошлись научные пристрастия?

— Конечно, отцу хотелось, чтобы я стал химиком. Замечательная библиотека, уникальный опыт работы в самых разных областях химии и химических технологий, множество идей, которые ему хотелось бы развивать вместе. Однажды он даже упомянул об отце и сыне Арбузовых из Казани — создателях химии фосфорорганических соединений. Не случилось. Хотя химию я действительно любил и даже, как сказал мой учитель Андрей Викторович Гапонов-Грехов, знал ее генетически. Я бы здесь употребил выражение А. М. Будкера: «знал ее понаслышке». Школьником пятого — седьмого классов я много времени проводил в лабораториях химфака, он тогда располагался на улице Ульянова, напротив пединститута. Не могу сказать, что моя увлеченность радиотехникой (первый приемник по книжке «Любительские радиоприемники Хитрова» я собрал в пятом классе) заглушила полностью любовь к химии. Здесь главную роль сыграли две вещи. Во-первых, мы с отцом в наших заочных беседах много говорили не только о будничных заботах и жизни вообще, но и о химии, причем весьма конкретно, вплоть до деталей химических формул и энергий связи. В результате у меня возникла иллюзия некоторого понимания

химии и ее будущего. Физика же, в особенности квантовая, физика полупроводников, физика волн, казалась загадочной и потому очень притягивала. Вторая причина, может, ее нужно поставить первой, не знаю, более социальная, что ли. С детства я привык решать свои проблемы сам, выпутываться из многочисленных историй, в которые попадал, защищать себя и своего больного брата. Мне казалось, что если бы я пошел на химфак, то мое имя все время ассоциировалось бы с именем всеми уважаемого отца. Мне же хотелось независимости и свободы решений. Хотя отец меня никогда и не ограничивал. Вообще, как я вижу обратным взглядом, самыми главными чертами в его манере воспитания были ненавязчивость и личный пример. Я засыпал — он садился готовить лекцию, я просыпался — он уже что-то писал или собирался на факультет. Добавлю, что он никогда не высказывал мне своего огорчения, что я не стал химиком, и внимательно следил за моими публикациями. Главной его претензией ко мне было: не слишком ли ты разбрасываешься?

— *Про Израиля Бениаминовича сотрудники и коллеги говорили: живой классик! Несколько слов о том, как он работал.*

— Как известно, в науке есть эрудиты, которые всё знают и помнят. Им трудно придумать что-то

оригинальное, кажется, что всё уже придумано; а есть творцы, которые иногда выдумывают велосипед, не зная или даже не обращая внимания на то, что их полно на улицах. Совмещение эрудиции с творческим даром встречается нечасто. У отца оно было, причем дополнялось фантастической работоспособностью. Он читал и помнил удивительно много, но это не мешало ему генерировать и реализовывать новые идеи. Знания он отфильтровывал и интегрировал в некую собственную картину химического мира, что позволяло легко в нем ориентироваться и видеть пустоты. Это очень важно, но, может быть, не самое главное, или по крайней мере не только это. Он находился в состоянии постоянного думанья. Это отражалось и в манере его общения с учениками, коллегами и с теми, кто приходил к нам обсудить свою диссертацию или внедрение новой технологии (у отца было много соавторов и друзей в городе химиков Дзержинске). Зашедшие по делу, они обычно оставались на обед — мама очень вкусно готовила, — и потому я часто оказывался свидетелем, а позже и участником таких обсуждений. Отец умел очень внимательно слушать и вопросы задавал только по делу, и в итоге формулировались ключевые или горячие точки работы. Здесь помогали и его талант интегрировать знания, и его способность крити-

чески мыслить. Именно благодаря подобным частым беседам многие известные химики считают себя учениками отца. Вообще же его манеру работы я назвал бы трехстадийной. На первом этапе он мобилизовал интуицию и фантазировал на тему ответа на вопрос; на втором — изучал литературу и становился исключительно грамотным в обдумываемой задаче; и, наконец, на третьей стадии он находил действительное решение, обычно очень оригинальное. Я не помню случая, когда бы в его прочитанных лекциях или опубликованных работах были ошибки.

— *Израиль Бениаминович Рабинович был одним из первых нижегородских химиков, чьи книги были переведены в Америке. Последняя вышла в 1998 году. Что вам известно о судьбе этих книг?*

— Книги, написанные отцом, есть в библиотеках большинства крупных университетов Америки. Я через Интернет проверил, есть ли ссылки на книги отца. Действительно, есть ссылки на книгу «Термохимические и термодинамические свойства металлоорганических соединений», которую он написал вместе с учениками. Это понятно — книга сравнительно новая. Но, что меня удивило, обнаружили ссылки 2001 года на книгу, изданную более тридцати лет назад. Я имею в виду книгу отца «Влияние изотопии на физико-химические свойства жидкостей». Вообще на его

работы довольно много ссылок. Популярен, в частности, обзор с В. И. Тельным в «Успехах химии» про термохимию органических соединений. Это, наверное, происходит потому, что конкретные данные о свойствах химических соединений, опубликованные отцом и его учениками, близки к каноническим. Для отца было характерно исключительно уважительное отношение к измеряемой величине и ее надежности в смысле воспроизводимости результата. Его характеру вообще был свойствен «феномен качества», к которому, как мне кажется, добавился и его неоценимый опыт работы начальником лаборатории на авиационном заводе во время войны. Тогда от правильности найденных решений и тщательности измерений в буквальном смысле зависели жизни людей.

— *Значительное время Израиль Бениаминович уделял преподавательской деятельности. В чем он видел глубинный смысл этой работы?*

— С четырнадцати лет отец подрабатывал частными уроками, а с шестнадцати преподавал физику и химию в педтехникуме г. Велижа (Белоруссия), продолжая обучение на старших курсах того же техникума. Преподавательскую работу он очень любил и отдавал ей душу. Надо сказать, что и студенты всех поколений очень любили и ценили его лекции. Многие, уже став профессионалами, пользовались конспектами его лек-

ций как справочниками. Насчет же глубинного смысла не знаю. Это было любимое дело, которое позволяло ему ощущать свою полезность, в том числе и в самые тяжелые периоды жизни. Отец читал лекции почти до восьмидесяти лет. Напоминание о его лекциях коснулось меня совсем недавно. Несколько лет назад я читал лекцию «Физика и нейрофизиология» для учителей города и области. После лекции ко мне подошла приятная женщина моего возраста и спросила: «Вы случайно не сын Израйля Бениаминовича?» Услышав мой ответ, она заметила своей подруге: А я помню замечательные лекции его отца».

— *Ваш отец постоянно помогал коллегам своими советами, вместе с тем в личной жизни он был достаточно закрытым человеком. Были ли у него увлечения, хобби?*

— Знаете, у отца не было хобби в обычном смысле слова. Он не был спортсменом, не играл в шахматы, у него не было музыкального слуха. Да и отдыхать-то он не умел. Он очень любил и собирал редкие книги по истории науки. Вот, пожалуй, историю науки и можно назвать его хобби. Он хорошо знал немецкий и, бывало, цитировал по памяти особенно яркие места основателей химической термодинамики. К моему огорчению, разделить с ним его восторженность я не мог — ничего не понимал. Его очень волнова-

ла природа творчества. Его любимый вопрос: как ты до этого додумался? — ставил меня в тупик, как и его мой ответ: а не знаю. Он всю жизнь собирал материал к книге по истории физической химии, но так и не успел ее написать. Примерно за год до кончины отца, во время моего очередного приезда в Нижний, его состояние несколько улучшилось. Он, воодушевленный, признался: «Знаешь, я уже и не думал, что когда-нибудь опять сяду за машинку, очень все стало трудно. А вот, смотри...» — и дал мне только что написанное введение к его новой книге «История химической термодинамики и термохимии в Нижнем Новгороде». Меня поразили качество материала, строгость мысли и ясность языка. Правда, текст был несколько более эмоциональным и более плотным, чем обычно. Он понимал, что ему осталось совсем немного.

Отец был человек удивительного оптимизма, умудренный опытом трудной жизни и счастливой судьбы.

Я посвятил отцу несколько стихов:

* * *

*Игра ума, игра величий,
Судьбы случайная игра
Мир наполняют. Безразличный
Судья решает: Вам пора*

*Уже оплачивать счета.
А фарта нет. Закрылись двери
И карта все идет не та.
Дымит свеча, а он не верит,
Что тени тают неспроста.
Момент — и все переменилось.
Спасли желанье и азарт.
Явился Шанс — и дверь открылась.
.....
«Давно не брал я в руки карт».*

РОДИТЕЛЯМ

*В местечках забытых и пыльных
Бандиты сменялись по кругу —
Зеленые, желтые, синие,
Ни вас не щадя, ни друг друга.*

*И я бы сейчас не тянулся к стихам,
Но было какое-то средство,
Что не дало жизни остаться там,
В подвалах вашего детства.*

*Пусть каждый день, что вами прожит,
Не пропадет с последним звуком,
А превратится в геньный опыт
И перейдет в наследство внукам.*

???

Отцу

Загадочно жизни начало,
Глубокая тайна — уход.
А что наша жизнь означает?
Наверно, никто не поймет.

Он там тормозит пониманье,
Великий секрет бережет,
Пытаясь от самопознания
Спасти человеческий род.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Отцу

Всё позади — прощанье, речи.
Домой.
За рюмкой коньяка
Всплывают снова лица, встречи...
Ты ждал меня, пока
В полете находясь, молил я Бога:
«Ну не спеши!» — его просил.
Мне не хватило слов, а может, слога,
И приземлившись, твой уход я оцуттил.
.....
Но мы простились у порога.

Шереметьево-2

Помнят Деда и мои дети.

СОДЕРЖАНИЕ

I. ТЕБЕ	3
Вещество памяти	5
Серебряный век	6
Утро	7
Меланхолия	9
Парад	10
Встреча в Канаде	11
«Облака — осколки быта...»	12
«Мы друг друга казнили, винили...»	13
«Люблю в кредит...»	14
Без сил	15
Художник и модель	16
Грустные мысли	17
Размовка	19
«Увидел в окно и сразу влюбился...»	20
Монета	21
Побег	22
Испуг	23
Цель	24
Музыкальные годы	25
Океан	27
Встреча с Аляской	28
Прощание с Аляской	29
Восход в городе	30
«Паутины невидимой сеть...»	31
«Люблю чудесные мгновенья...»	32
Измена	33
Тишина	34
Элегия	35
Опоздал?	36
«Вдруг прервались звуки танго...»	37
Музе	38
II. ВЕСЛА	39
Весла	41
«Не хватает воздуха...»	42
Превращения	43
«Не суждено уже узнать...»	44
Вдохновение	45
В старом доме	47

«Времени колесница...»	48
Озарение	49
Властитель дум	50
Вопрос	51
Таможенница	53
Диалог Дон Жуана с Иммануилом Кантом	54
Вне сна	55
Радость жизни	56
Взросление	57
Ассоциативное мышление	58
Мешать в постели мысль и чувства	59
Еще не вечер	60
Язычник	61
Обновление	63
Он	65
Джордано Бруно	66
Тело	67
Судьба	68
Противоечье учений	69
Повезло	70
«Не сотвори себе кумира...»	71
Из отпуски	72
Неправда	73
Буда и Пешт	74
Прага	75
Неаполь	77
Работаю до поздней ночи	78
«С утра не ладилась работа...»	79
Суздаль	81
Рио	82
Гость	83
Сан-Пауло	84
«Сдвинулось сердце...»	85
«Дождь. С души отмывается сажа...»	86
Голос	87
Илюше	88
Книга	91
Импульс	92
Босх	93
Письмо в Бразилию	94
Собаке	95

Свирьстрой	96
Первые заморозки	97
Страх	98
Баня в Лыкове	99
Поиски истины	101
Извините, что на «ты»	103
Осмысление	105
Ритмы	107
Мука	108
Смерч	109
Посланник	111
Путь	112
«В себе уверенные ели...»	113
Взгляды	114
Венецианские часы	115
«Щелкает черная птица...»	117
Отражение	118
Вера	119
«Стрелки меряют циферблат...»	121
Черный квадрат	122
Восход в горах	123
На Паломаре снег	124
Разговор	125
III. ЭССЕ	127
Время внутри нас	128
Прелюд	128
Время и память	130
Согласование времен	136
Ощущение и осознание времени	141
Игра	144
О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ТВОРЧЕСТВА:	
СТИХИ И ФОРМУЛЫ	146
Прембула	146
Нехватка средств	146
Озарение	148
Язык, символ, звук	151
Простота и красота	156
Чтоб кровь остынуть не успела	162
Пространство и время	166
Литература	170
ВСПОМИНАЯ ОТЦА	171

Михаил Израилевич Рабинович
ВЕСЛА

стихи

Редактор *Н. Резанова*
Дизайн обложки *В. Петрухин*
Компьютерная верстка *С. Сору́вка*
Корректор *А. Зелексон*

Изготовление оригинал-макета — издательство ДЕКОМ
Диапозитивы изготовлены ЗАО «Д-графикс»
Тел. (8312) 35-95-03.

Подписанов печать 00.12.2004.
Формат 70 х 90/32. Бумага офсетная.
Гарнитура Лазурского. Печать офсетная. Физ печ. л. 5,75.
Тираж 500 экз. Заказ №

Издательство ДЕКОМ,
603000 Нижний Новгород, ул. Горького, 107.
E-mail: izdat@dekom.nnov.ru <http://www.dekom.nnov.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов
в РГУП «Чебоксарская типография № 1»
428019 Чебоксары, пр. И. Яковлева, 15.